

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.11

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА НАУКИ В РОССИИ (УРОК XVIII ВЕКА)

Донских Олег Альбертович^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ», Новосибирск,
Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются факторы, которые определили становление языка науки в российской культуре XVIII века. Выделяются шесть ключевых факторов: 1) трансформация системы обучения и формирование привычки к использованию иностранных языков в обучении и определённых сферах жизни; 2) становление профессиональной переводческой практики и издание научной светской литературы; 3) формирование научного сообщества; 4) развитие филологии, без которой невозможно было бы появление литературного языка; 5) целенаправленное стремление отечественных учёных писать свои сочинения на простом русском языке; 6) практика составления словарей. Кроме того, необходимо иметь в виду, что становление науки и, в частности, отечественного языкового дискурса было бы невозможно без поддержки со стороны власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

язык науки, практика переводов, филология, научная терминология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Донских О. А. Формирование языка науки в России (Урок XVIII века) // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 1. С. 215–224.

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.11

Вопрос о языке науки в настоящее время приобретает всё большую остроту. В первую очередь это, конечно, связано с тем, что декларируемое и институционально внедрённое в практику научных и научно-образовательных учреждений требование преимущественной публикации статей в международных базах означает переход на английский научный язык. Эта ориентация вполне укладывается в русло догоняющей идеологии, обусловленной как объективными, так и субъективными причинами. Мысль о необходимости «бежать вдогонку» за законодателями в сфере науки, конечно, никого особенно не вдохновляет. Тем не менее, в настоящих условиях, когда управление наукой (и образованием) стало делом менеджеров, т. е. людей, которые являются профессионалами в сфере управления, а не науки или образования, был выбран единственно возможный путь: ориентация на KPI (Key Performance Indicators), или ключевые показатели эффективности. В ход пошли разные наукометрические показатели, включая индексы цитируемости и др. Был сформирован перечень журналов ВАК, но позже оказалось, что этого недостаточно, и для отчётности были выбраны две англоязычные базы данных – Scopus и Web of Science (кстати, совершенно непонятно, почему, например, не Springer). Требования по ним также росли – появились трудновыполнимая обязанность по публикации большого числа статей в год и необходимость публиковаться не просто в журналах, включённых в эти базы, но и с учётом квартилей. В результате сложилась крайне странная ситуация: вместо того, чтобы развивать внутреннее пространство национального научного дискурса, учёные вынуждены включаться в англоязычный, оставляя для отечественных изданий статьи второго сорта. В то же время, в отличие от ситуации с латинским языком, который для всех европейских учёных был языком вторым, в новой ситуации англоговорящие авторы получают безусловное преимущество. (Разумеется, наука интернациональна, и научные результаты могут и даже должны быть представлены на разных языках, но никак не в ущерб национальной традиции.) При этом следует иметь в виду, что национальных научных пространств в истории сформировалось совсем немного, если иметь в виду возможность представлять любые научные дисциплины на языке соответствующей культуры. В отечественной научной традиции, которая восходит к основанию Академии в 1724 году в Санкт-Петербурге, на русском языке уверенно заговорили только к концу XIX века (если иметь в виду тот факт, что разные науки обретали свой голос в разное время), т. е. понадобилось почти два века для того, чтобы войти в интеллектуальное пространство мировой науки со своим голосом, и для этого потребовались колоссальные усилия. В данной статье рассматриваются те факторы, которые этому способствовали. В свою очередь, это может помочь оценить возможные лингвистические последствия сложившейся в настоящее время ситуации, поскольку национальный язык науки – это не меньшая культурная ценность, чем русская литература и музыка.

Начало формирования языка науки в России уходит как минимум во вторую половину XVII века, когда власть осознаёт необходимость приобщения России к достижениям европейских стран и когда закладываются основы другой литературной парадигмы [1]. К этому времени относится отчётливое противопоставление традиционализма и ориентации на европейские знания. Визуально это противопоставление оказалось выражено графически благодаря введению гражданского шрифта. В Киеве к этому времени уже действует Киево-Могилянская академия, а в Москве в 1687 году открывается Славяно-греческая академия, где с начала XVIII века добавляется обучение латинскому языку. Благодаря этим учебным заведениям, а также всё более активному знакомству с Европой в России начинается обучение иностранным языкам, в частности латыни – тогдашнему языку науки. Петровские реформы приводят к тому, что в России в разных сферах жизни всё более уверенно начинают звучать западноевропейские языки. Причём важно иметь в виду, что на Руси, в отличие от Западной Европы, не было оформленной сферы светской культуры, поскольку не было «идущего из античности и непрерывного в своей традиции светского образования, не было университетов с их юридическими и медицинскими факультетами, ... не было юридических корпораций, не было, наконец, куртуазного этикета, равно как укоренённых в этом этикете литературы, поэтических состязаний и т. д.» [2, с. 60], и это делало переход к новым формам жизни особенно не простым, поскольку приходилось доказывать право светского дискурса на существование.

Необходимо отметить, что язык науки является одной из важнейших функциональных разновидностей литературного языка, и его формирование невозможно рассматривать в отрыве от формирования последнего.

С начала века появляется ряд школ, где обучение ряду предметов идёт на иностранных языках. Это навигацкая школа, цифирные школы, частные пансионы. Соответственно, появляются переводы учебной литературы. Одновременно начинают посылать молодых людей для обучения в Европу. Итак, обучение иностранным языкам и их использование в обучении и определённых сферах жизни становится первым условием (фактором) формирования языка науки. А в семинариях учат, и неплохо учат, латинскому языку. Всё более свободное отношение к языку становится тенденцией новой эпохи. Достаточно посмотреть на дневники и письма того времени. Это достаточно простой язык, в который свободно входят по мере необходимости иностранные слова. Например, в «Дедикации» Шафирова «Також и о учреждении порядочного купечества в чужестранные край труд прилагается, и есть надежда в Бозе, что за мудрым его величества призрением и диспозициею, и то вскоре в доброе состояние приведено будет» [цит. по: 3, с. 178].

Второй фактор – переводы, в частности переводы научных книг. Часть из них делались с отставанием на эпоху, тогда как некоторые переводы отставали от западноевропейских оригиналов примерно на полвека. Отдельные переводы были совершенно невразумительными, тогда как другие – вполне качественными. Пётр I лично занимался переводами, требуя, чтобы они были простыми и понятными. Так, он дал задание отредактировать перевод «Географии генеральной» Б. Варениуса, который сделал Фёдор Поликарпов.

Этой правкой занимался Софроний Лихуд, и в результате текст оказался вполне читаемым, почти без церковнославянской риторики. Конечно, необходимы были переводы учебной и научной литературы для школ. Руководитель навигацкой школы, шотландский математик Генри Фарварсон отбирал необходимые книги для переводов и редактировал переводы. Им было переведено и подготовлено к изданию 38 книг, в том числе «Начала Евклида», опубликованные в 1739 году. Влияние польского, немецкого и латинского языков не только на лексику, но и на синтаксис пишущих по-русски также весьма заметно на протяжении всего века. Одной из особенностей стиля этой эпохи является привычка давать синонимы в качестве объяснения и уточнения терминов – «сим манифестом или объявлением, карловицкого армистирия или перемирия» [4, с. 119].

Третий фактор – формирование научного сообщества. Когда в Санкт-Петербурге была создана Академия, это сообщество только начало складываться. Его языками были немецкий и латинский. Академия практически еженедельно проводила заседания, и с 1725 по 1743 гг. читалось по 30–40 докладов ежегодно [5, с. 146–147]. Если учесть европейские связи приехавших в Россию учёных, то вполне можно говорить о сложившемся научном учреждении, ставшем частью европейского научного пространства. Об этом свидетельствует и появление работ петербургских академиков в европейских научных журналах, и приём в почётные члены Петербургской академии выдающихся иностранных учёных, и приём членов нашей академии в почётные члены академий зарубежных. Академики вели активную переписку со своими коллегами. Так, среди корреспондентов Карла Линнея были Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, И. Х. Гебенштрейт, П. С. Паллас, С. П. Крашенинников [6, с. 210]. Но русский язык, хотя и был языком, на который переводились труды Академии (Комментарии), составлявшиеся преимущественно на латинском, существенной роли ещё не играл.

Четвёртый фактор – развитие филологии. Руководство Академии поставило вопрос о совершенствовании русского языка, чтобы его можно было использовать для научных сочинений в разных областях. Для этого, например, в Академию был приглашён В. К. Тредиаковский. Понятно, что использовать русский язык могли только кооптируемые в научное сообщество учёные из русских. Однако к этому времени на родном языке не было даже грамматики русского языка. Были таковые на латинском – грамматика Лудольфа (1696 г.), анонимная грамматика (предположительно её автором был И. С. Горлицкий) на французском языке (1730 г.), краткая грамматика В. Е. Адодурова, изданная в качестве приложения к лексикону Вейсманна, на немецком языке (1731 г.), грамматика Михаила Грёнинга на шведском языке (1750 г.) Но грамматика была категорически необходима, конечно, не только для развития языка науки, но и для русской литературы вообще. Б. А. Успенский отмечает, что появление грамматики родного языка на своём языке – это важнейший этап в истории национального литературного языка [7, с. 11].

Первой русской грамматикой на русском языке, причём вполне простым и ясным, стала грамматика В. Е. Адодурова, по которой он читал соответствующий курс в 1738–1740 гг. В это время ведутся филологические

споры между В. Е. Адодуровым, В. К. Третьяковским, В. Н. Татищевым и М. В. Ломоносовым по поводу орфографии, вопросов просодии (в частности, аканья), различий между церковнославянским и русским вариантами славянского языка, южнорусскими и севернорусскими говорами, способов стихосложения и др. 14 марта 1735 г., по распоряжению тогдашнего президента Академии барона Корфа, было учреждено Российское собрание. Корф приказал «Академии наук переводчикам сходиться в Академию два раза в неделю, а именно: в среду и субботу, поутру и после обеда, и иметь между собою конференцию, снося и прочитывая всё, кто что перевёл, и иметь тщание в исправлении российского языка в случающихся переводах» [5, с. 150]. Ю. Х. Копелевич пишет, что Российское собрание стало «первым научным коллективом филологов-русистов, значение которого далеко вышло за рамки его первоначальной задачи» [5, с. 150]. В 1755 году появляется и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. Естественно, что кодифицируемые правила переносятся и на научный язык как на одну из функциональных разновидностей литературного. В 1768 году создаётся «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», существовавшее до 1783 года. Члены его перевели больше сотни книг с разных европейских языков. В 1783 для совершенствования языка с подачи Екатерины II создаётся Академия Российская.

Пятый фактор – целенаправленное стремление отечественных учёных писать свои сочинения на русском языке. Именно в языке науки совершается уход от смешения простого и церковнославянского стилей. Очень важным является тот факт, что, переводя сочинения западноевропейских учёных, переводчики приучаются к научному стилю. И, собственно говоря, именно со стиля начинается вхождение в научный дискурс. Так, к примеру, в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (у которого, кстати, был хороший опыт переводческой деятельности) – работе, которая считается первым естественно-научным трудом, написанным на русском языке, – церковнославянский дискурс отсутствует (и это несмотря на то, что автор обучался в Славяно-греко-латинской академии и прекрасно знал латинский и греческий). Даже в самом начале первой главы, где предшествующие авторы не преминули бы в высоком стиле обосновать пользу своего труда во всех возможных отношениях, Крашенинников использует вполне строгий и выдержанный стиль научного трактата: «О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое ея положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось» [8, с. 1]. И этот стиль выдержан по всему произведению. Учёные начинают всё шире обращаться к русскому языку каждый в своей сфере. С. П. Крашенинников – в географии, М. В. Ломоносов – в физике и химии, Н. Н. Поповский начинает вести философию на русском в Московском университете, несмотря на насмешки со стороны немецких преподавателей философии. Академики С. Румовский и И. Лепёхин перевели в 1789 году книгу де Бюффона «Всеобщая и частная естественная история». В. М. Севергин создаёт геологическую и химическую русскоязычную номенклатуру. Это стремление учёных поддерживается

власть предрержащими, особенно Екатериной II, которая, как и Пётр I, очень интересовалась проблемами языка.

Шестой фактор – составление словарей. Вообще в XVIII веке идёт огромная словарная работа – «к первой четверти века относится 25 словарных работ, ко второй несколько меньше — 19, к третьей четверти — 50, следовательно, больше, чем за всю первую половину века, а в последней четверти наблюдается бурный рост лексикографических изданий — 183 словарных труда» [9, с. 15]. Конечно, лексика науки, хотя и является частью соответствующего языка, выходит за пределы языка литературного, и, например, сотни тысяч названий лекарств или даже тысячи анатомических терминов, обеспечивая коммуникацию в определённой сфере, к литературному языку внутреннего отношения не имеют. Но без филологии не был бы создан всего за 11 лет первый русский академический словарь, описывающий 43 357 слов. В 1791 году вышел «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» Янковича де Мириево, созданный на базе 279 языков: 171 азиатского, 55 европейского, 80 африканских и 23 американских.

Эта огромная работа с языком подготовила почву как для появления уже с конца XVIII века замечательной русской литературы, так и для постепенного становления научного языка. Причём если литературный язык развивался без перерывов, то работа Академии и появившихся университетов периодически требовала приглашения новых учёных из Европы, не говоря уже о стажировках отечественных учёных в европейских университетах. Совершенно не случайно из 110 академиков, работавших в разное время в Петербургской академии наук в XVIII веке, немцев было 67 человек, – в два раза больше, чем русских [10, с. 7]. Тем более почётна роль наших соотечественников, писавших свои сочинения на русском языке и переводивших научные труды с других языков.

Важно подчеркнуть, что опыт XVIII века говорит о том, что для формирования языка науки требовались постоянные усилия высшей администрации, которая не только инициировала усилия по трансферу западноевропейской науки, но и ориентировала деятельность учёных на использование русского языка.

Наука вписана в культуру и питается её соками, это обеспечивает её своеобразие в рамках международного универсального научного дискурса. Не говоря уже о том, что новое поколение должно приходить в науку благодаря качественной учебной и научно-популярной литературе на своём языке. Поэтому нынешние тенденции очевидно идут вразрез с теми, которые задавались прошлыми веками. И последствия не только для языка русской науки, но и для неё самой могут быть весьма печальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельская А. В.* Роль западноевропейской массовой литературы в смене литературной парадигмы в России XVII столетия // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 4. 2002. С. 25–31.

2. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
3. *Захаров А. В.* Рукопись «Дедикации» П. П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 172–181.
4. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1980. 195 с.
5. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. 212 с.
6. *Артемьева Т. В.* Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в России / Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб. : Санкт-Петербургский центр истории идей; Политехника Сервис, 2020. 356 с.
7. *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносковский период отечественной русистики. М. : Наука, 1975. 232 с.
8. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Т. 1. СПб. : Имп. Академия Наук, 1755. 438 с.
9. *Биржакова Е. Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб. : Нестор-История, 2010. 212 с.
10. Летопись Российской академии наук. СПб. : Наука, 2000. 994 с.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022.

Одобрена после рецензирования 11.03.2022. Принята к публикации 14.03.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Донских Олег Альбертович *oleg.donskikh@gmail.com*

Доктор философских наук, PhD, профессор, Новосибирский государственный университет; Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия

AuthorID РИНЦ: 313804

ORCID ID: 0000-0001-7297-9754

Scopus Author ID: 24782261100

Web of Science ResearcherID: B-5328-2018

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.11

FORMATION OF THE LANGUAGE OF SCIENCE IN RUSSIA (EXAMPLE OF THE XVIII CENTURY)

Oleg A. Donskikh^{1,2}

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article analyzes the factors that determined the formation of the language of science in the Russian culture of the XVIII century. Six key factors are highlighted: 1) transformation of the teaching system and the formation of the habit of using foreign languages in teaching and certain spheres of life; 2) the creation of professional translation practice and the publication of scientific secular literature; 3) the formation of a scientific community; 4) the development of philology, without which it would be impossible to have a literary language; 5) the purposeful desire of native scientists to write their works in ‘simple’ Russian; 6) the practice of compiling dictionaries. In addition, it should be borne in mind that the formation of science and, in particular, its national linguistic discourse would be impossible without the support of the authorities.

Keywords: language of science, translation practice, philology, scientific terminology

For citation: Donskikh, O. A. (2022). Formation of the language of science in Russia (Example of the XVIII century). *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 1. P. 215–224.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.11

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya, A. V. (2002). Rol' zapadnoevropejskoj massovoj literatury v smene literaturnoj paradigmy v Rossii XVII stoletiya [The role of Western European mass literature in the change of the literary paradigm in Russia of the XVII century] // *Vestnik MGU*. Seriya 9. Filologiya. No. 4. P. 25–31. (In Russ.).
2. Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia of the XVIII century]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury” publ. 591 p. (In Russ.).
3. Zakharov, A. V. (2014). Rukopis' «Dedikacii» P. P. Shafirova i gosudarstvennaya propaganda Petra I [The Manuscript of “Dedicatii” of P. P. Shafirov, and state propaganda of Peter I]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 22 (351). Vol. 61. P. 172–181.
4. Sobolevskij, A. I. (1980). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian literary language]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie publ. 195 p. (In Russ.).
5. Kopelevich, Yu. Kh. (1977). *Osnovanie Peterburgskoj Akademii nauk* [Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie publ. 212 p. (In Russ.).
6. Artem'eva, T. V. and Mikeshin, M. I. (2020). *Intellektual'naya kul'tura epohi Prosveshcheniya v Rossii* [Intellectual culture in the epoch of Enlightenment in Russia]. St-Petersburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej, Politekhnik Servis publ. 356 p. (In Russ.).
7. Uspenskij, B. A. (1975). *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke. Dolomonosovskij period otechestvennoj rusistiki* [The first Russian grammar in Russian language. Pre-Lomonosov period of native Russian Studies]. Moscow: Nauka publ. 232 p. (In Russ.).
8. *Opisanie zemli Kamchatki, sochinennoe Stepanom Krasheninnikovym, Akademii Nauk Professorom* [Description of the land of Kamchatka, composed by Stepan Krasheninnikov,

Professor of Academy of Sciences]. (1755). Vol. 1. St-Petersburg: Imp. Akademiya Nauk publ. 438 p. (In Russ.).

9. Birzhakova, E. E. (2010). *Russkaya leksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the XVIII century]. St-Petersburg: Nestor-Istoriya publ. 212 p. (In Russ.).

10. *Letopis' Rossijskoj akademii nauk* [Chronicle of the Russian Academy of Science]. (2000). St-Petersburg: Nauka publ. 994 p.

The article was submitted on 01.02.2022.

Approved after reviewing 11.03.2022. Accepted for publication 14.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Donskikh Oleg *oleg.donskikh@gmail.com*

Doctor of Philosophy, PhD, Professor, Novosibirsk State University; Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

AuthorID RSCI: 313804

ORCID ID: 0000-0001-7297-9754

Scopus Author ID: 24782261100

Web of Science ResearcherID: B-5328-2018